

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ (ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОГО “КРУГЛОГО СТОЛА”)

16 мая 2013 г. на базе Института философии, социологии и права Волгоградского государственного университета состоялся международный “круглый стол” “Правоприменительная политика в современной России: проблемы формирования и осуществления”. Инициаторами проведения “круглого стола” выступили Саратовский филиал Института государства и права РАН и кафедра теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета при поддержке журналов “Государство и право” РАН, “Правовая политика и правовая жизнь”.

“Круглый стол” стал первым мероприятием подобного уровня, специально посвященным проблемам формирования и осуществления правоприменительной политики в современной России. В его работе приняли участие ученые, практические работники, аспиранты из Волгограда, Саратова, Астрахани, Тамбова, Оренбурга, Красноярска и других городов России, а также коллеги из Украины.

Приветственные слова в адрес участников “круглого стола” поступили от **проректора по научной работе и информатизации Волгоградского гос. ун-та, доктора экон. наук, проф. А.Э. Калинин** и **директора Института философии, социологии и права Волгоградского гос. ун-та, канд. юрид. наук, доц. И.С. Дикарева**. Была отмечена научная и практическая значимость обсуждаемой проблематики, высказаны слова благодарности инициаторам и организаторам “круглого стола” и пожелания участникам творческих успехов в работе.

В своем выступлении ведущий “круглого стола” – **директор Саратовского филиала ИГП РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь” А.В. Малько** – отметил, что *особо важное значение в современной период приобретает такая форма реализации правовой политики, как правоприменительная политика*, под которой можно понимать научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества, направленную на определение стратегии и тактики механизма правоприменения, на создание необходимых условий для эффективной правоприменительной работы.

Правоприменительная форма реализации правовой политики проявляется в практической деятельности органов государственной власти и уполномоченных структур гражданского общества, направленной на реализацию нормативно-правовых предписаний, в разработке и принятии *правоприменительных актов*, документах индивидуального, персонифицированного характера, в частности в решениях высших органов судебной власти по делам, имеющим принципиальное значение для юридической практики. Кроме того, важными составляющими этой формы правовой политики выступают правоохранительная, контрольно-надзорная, адвокатская, нотариальная и иная юридическая практика.

Самостоятельность правоприменительной политики подтверждается наличием признаков, отличающих ее от других направлений правовой политики. Среди них можно выделить следующие: 1) особая форма реализации правовой политики, которая воплощается преимущественно в принятии, изменении и отмене правоприменительных актов; 2) в ее рамках формируются стратегия и тактика правоприменительной деятельности, что существенным образом отражается на выстраивании механизма правоприменения; 3) целью ее выступают оптимизация правоприменительного процесса, содействие правоприменительной деятельности; 4) средствами являются соответствующие правовые акты, мониторинг правоприменительной деятельности и в целом реализации юридических норм, экспертиза правовых актов, правоприменительная техника и т.д.

Особенностью данной формы является и то, что в современных условиях значительно расширился субъектный состав правоприменения. Теперь активно, но не всегда, к сожалению, законно применяют право и негосударственные структуры: органы местного самоуправления, руководители частных фирм, банков, общественных объединений и т.п.

Конечно же, во многом правоприменительная политика закладывается уже на уровне правотворческой, в рамках определения стратегии законодательства, которая выступает нормативной основой правоприменительной деятельности. Именно здесь создаются ориентиры для всего механизма правового регулирования как для принятия, так и для реализации юридических норм.

Вместе с тем правоприменительная политика выступает весомым дополнением, зачастую оправдывающим существование и самой правотворческой политики. Продвигая в жизнь в том числе и стратегические правотворческие идеи и замыслы, она призвана “собрать в систему” имеющиеся разрозненные средства и элементы правоприменительной деятельности, организовать тем самым правоприменительный процесс, ориентируя его на достижение определенных целей.

Профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградского гос. ун-та, доктор юрид. наук В.А. Рудковский акцентировал внимание *на неоднозначности трактовок правоприменительной политики и специфичности ее содержания*. Он, в частности, отметил, что распространенное определение последней как формы реализации правовой политики является дискуссионным. По мнению докладчика, правоприменительная политика – это разновидность (форма бытия) правовой политики. Термины “правоприменительная политика” и “правовая политика в сфере властной реализации права” синонимичны. Исторически правовая политика формируется именно в виде правоприменительной политики и предшествует политике правотворческой. В современном обществе значимость правоприменительной политики обусловлена ее управленче-

ским потенциалом, способностью оказывать существенное воздействие на процессы властной реализации правовых норм. Правоприменительная политика имеет теоретическое и практическое измерение. В теоретическом плане она представляет собой специфичную систему идей, теорий, доктрин, выражающих представления субъектов социально-политической жизни о целях, нравственно-правовых основах, путях, средствах, методах совершенствования правоприменительной деятельности и иных форм реализации права. В практическом же измерении правоприменительная политика – это форма проявления государственно-правовой политики, реальная практика государственного руководства процессами властной реализации правовых норм. В правоприменительной политике выражается официальная позиция государства по ключевым вопросам осуществления права. Указанные аспекты взаимосвязаны, но отождествлять их не следует.

В качестве общей стратегии и тактики правоприменения правоприменительная политика воплощается в соответствующих концептуальных положениях, руководящих директивах, организации, формах, методах, средствах, тенденциях правоприменительной деятельности. Ее содержание, соответственно, может быть представлено четырьмя взаимосвязанными блоками: идейно-целевым (концептуальным); программно-директивным; организационно-управленческим и деятельно-практическим (результативным). В настоящее время существует потребность в совершенствовании всех указанных элементов с учетом переживаемого обществом и государством периода. В частности, требуется формирование современной идеологии правоприменения, нацеленной на реализацию в правоприменительной деятельности принципов гуманизма, справедливости, законности, ответственности, профессионализма. Серьезного внимания заслуживает организационно-управленческий блок, связанный с оптимизацией функций, структуры, компетенции органов правоприменения, вопросами кадрового, информационно-методического и т.п. обеспечения их деятельности, внедрением современных информационных систем и проч.

В обобщенном виде правоприменительная политика может быть определена как выраженные в системе политико-правовых установок, организационно-управленческих средств и тенденций правоприменительной деятельности стратегия и тактика государства в сфере властной реализации юридических норм.

Профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградского гос. ун-та, доктор юрид. наук, проф., почетный работник высшего профессионального образования РФ Н.Н. Воппенко выступил с докладом *“Правоприменительная политика и справедливость”*. Он, в частности, отметил, что правоприменительная политика в единстве трех основных частей своего внутреннего содержания: программно-директивной, организационно-управленческой и объективно сложившихся тенденций рассмотрения и разрешения юридических дел в правоприменительных органах, – предстает достаточно мощным, хотя и не всегда заметным инструментом обеспечения единообразной, законной и справедливой юридической практики. Как отмечали римские юристы (Цельс, Ульпиан) и последующие мыслители (Гурвич, Радбрух и др.), право есть искусство добра и справедливости, и, следовательно, политика правоприменения должна быть нацелена на обеспечение этой главной идеи права, что означает необходимость: а) разработки в программно-директивной части правоприменительной политики своеобразной идеологии справедливости – научно обоснованной теории нравственного, законного, истинного

и легитимного правоприменения; б) четкой ориентации целей ведомственной (судебной, следственной, прокурорской и т.д.) организационно-управленческой деятельности на идеалы справедливости; в) оценки жизнеспособности и полезности объективно складывающихся тенденций правоприменения с точки зрения соответствия их нравственному прогрессу. Особо важное значение для обеспечения справедливости имеет организационно-управленческий блок правоприменительной политики. Это – руководящие разъяснения пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, обзоры судебной, прокурорской и следственной практики, методические письма и прочие документы внутреннего пользования, так называемого служебного права, включая и устные указания руководителей соответствующих ведомств. Они ставят перед подчиненными органами конкретные “инструментальные” цели правоприменения, которые далеко не всегда соответствуют стратегической цели права – обеспечению справедливости. Такое значение имеют указания представителей высших органов власти, суда, прокуратуры и т.д. о выборе меры пресечения, а порой и наказания для отдельных категорий правонарушителей или о процентном показателе отмены судебных решений. Поэтому крайне важно, чтобы эти указания соответствовали общественным и научным представлениям о справедливости.

Заведующий кафедрой теории и истории права и государства Волгоградского гос. ун-та, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ И.В. Ростовщикова в своем докладе *выделил проблему правоприменительной политики в области реализации прав и свобод человека и гражданина в современной России.*

Он отметил, что для ряда прав личности предусмотрена процедурно-процессуальная форма их реализации, когда законодательно определены согласованность и последовательность действий правообладателя и иных субъектов. Важнейшей составной частью такой формы реализации является вынесение определенными органами и должностными лицами различных актов правоприменения (регистрационных, разрешительных, учредительных, предписывающих и др.).

По его мнению, в этой связи возникают следующие вопросы. Каков перечень прав и свобод личности, реализация которых требует правоприменения компетентным субъектом? Изменяем ли этот перечень? Чем руководствуется государство, устанавливая порядок реализации прав, который связан с правоприменением? Можно ли, наконец, вообще без этого обойтись? Ведь правоприменение при определенных общественно-политических условиях способно быть помехой осуществлению прав и свобод, лишая их смысла. Пример тому – практика введения при тоталитарных режимах разрешительных порядков выезда за границу, выбора места жительства, выпуска печатных изданий и т.д.

Отличительной чертой реально демократического общества должна быть объективная необходимость правоприменения в отношении прав личности. В частности, это касается тех прав личности, осуществление которых по своей сути не может носить произвольного характера, быть юридически бесконтрольным. В первую очередь это права, в основе которых лежат значительные блага материально-имущественного плана или пользование которыми влечет распределение фондов потребления между правообладателями (право на труд и вознаграждение за него, на социальное обеспечение, на жилище, собственности на землю и т.д.).

Это также касается реализации прав, опосредующих хотя и не материальные, но весьма существенные для человека социальные блага и индивидуальные ценности, не безраз-

личные и для общества в целом (право на вступление в брак, интеллектуальную собственность и т.д.), когда затрагиваются интересы не только личности, но и многих других людей, подчас всего общества и возникает потребность сочетания и взаимной согласованности этих интересов, когда безответственное поведение индивида может повлечь неблагоприятные последствия. Так, вынесение соответствующих властных решений является непременным условием для осуществления права на получение гражданства, на объединение и др.

Примечательно, что универсальных, равнозначных процедур реализации прав человека нет даже в развитых демократических странах. Разнятся сами акты правоприменения в процессе реализации либо они могут быть не предусмотрены вообще (к примеру, различаются процедуры въезда в различные страны). Но в любом случае там реализация прав и свобод зависит от объективных условий и потребностей, а не субъективизма власти.

Перед Российским государством остается много проблем в области обеспечения полноценной реализации прав и свобод человека. Среди проблем видится оптимизация процедур их реализации с правоприменительным участием властных субъектов, а также в изменении правосознания многих чиновников, которые нередко нацелены на противодействие гражданину, добивающемуся реализации того или иного своего права. Ориентиром здесь выступает закономерная демократизация общественной, государственной и экономической жизни в стране. К тому же нельзя исключать контроль государства там, где возможно злоупотребление правами (известны, например, факты регистрации до сотни лиц в одной квартире), есть реальные угрозы правонарушений (незаконная миграция и др.). Но при всем при этом государственно-правовая политика должна быть нацелена на установление таких процедур реализации прав человека, которые были бы понятны людям, исключили бы бюрократические препоны и служили не тормозом, а побудительным мотивом социально-правовой активности граждан.

Профессор кафедры конституционного, административного и международного права Мариупольского гос. ун-та (Украина), директор представительства Европейской организации публичного права в Украине, доктор юрид. наук Ю.А. Волошин обозначил *проблемы теории и практики правоприменения модельных норм в условиях межгосударственной интеграции*. Отмечено, что в последнее время все чаще в научной литературе и на практике предметом рассмотрения становятся случаи выработки единообразных правовых норм с помощью специально подготовленных моделей.

Различные модельные нормативные акты используются достаточно широко при осуществлении правовой интеграции и в международном, и в национальном праве. На постсоветском правовом пространстве в правотворческой работе органов межгосударственных интеграционных объединений уделяется значительное внимание модельным нормативно-правовым актам. Несмотря на то что существуют различные дефиниции таких источников – “типичный (модельный) законодательный акт”, “типовой проект”, “нормативный правовой акт”, они не только стали предметом научных дискуссий, но и широко используются в законотворческой работе законодательных органов власти государств СНГ.

В научном обороте появилось понятие международной модельной нормы и модельного нормотворчества. Под модельным законом понимают законодательный акт рекомендательного характера, содержащий типовые нормы и

дающий нормативную ориентацию для определенного количества национальных законодателей. В научной литературе отмечается, что международная модельная норма обязывает государство или других субъектов разработать и принять правовой акт или отдельные нормы (международные или внутригосударственные) в соответствии с содержанием модели.

Модельное правотворчество здесь выступает частью международной правовой унификации. Она понимается как правотворческий процесс, направленный на создание единых или однообразных правовых норм с целью исключения противоречий и различий между национальными правовыми системами или между международно-правовыми нормами, а также с целью создания новых норм, которые заполняют пробелы в регулировании соответствующих вопросов.

Модельные акты, как правило, разрабатываются международными организациями, реже – государствами и затем предлагаются законодательным органам разных стран в качестве образца, на базе которого может быть принят тот или иной правовой документ. При этом, однако, в большинстве случаев ни одно государство не связано априори обязательством использовать эту модель. Исключение составляют лишь случаи, когда принятие внутригосударственного правового акта на основе модели выступает уставным долгом государства, являющегося членом международного интеграционного объединения (международной организации).

Считаем, что гармонизация национального законодательства на основе модельных законов является менее эффективной процедурой в тех случаях, когда различия между внутригосударственными системами права очень существенны и устранение различий может быть только постепенным. В свою очередь, использование модельных актов считается продуктивным средством в ситуациях, когда в государствах еще отсутствуют определенные отношения правового регулирования, а использование модельного акта сразу позволяет сформировать соответствующие национальные акты в различных правовых системах.

Продолжая анализ процессов гармонизации, нельзя обойти определенный опыт европейской межгосударственной правовой интеграции. Пример тому – Европейский Союз. Законодательная деятельность органов Союза, направленная на гармонизацию права, привела к наиболее высокой степени интеграции.

При рассмотрении вопроса о механизмах осуществления правовой интеграции (унификации и гармонизации) следует отметить, что заключение международных конвенций и принятие модельных законов – исключительно эффективные средства сближения правовых систем. Более того, некоторые специалисты указывают, что модельный закон как средство создания единообразного права имеет даже определенные преимущества в сопоставлении с таким инструментом гармонизации права, как международный договор.

Примечательно, что нормативное определение модельного закона (рекомендательного законодательного акта) содержит ст. 15 Регламента Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Это – примерный законодательный акт, принимаемый Ассамблеей с целью ориентирования согласованной законодательной деятельности сторон соглашения.

Профессор кафедры гражданского права и процесса Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, доктор юрид. наук В.В. Трофимов основное внимание сосредоточил на *проблеме взаимного влияния правовой политики и правоприменительной практики*. По мнению выступавшего,

правовая политика ориентирует правоприменительную практику, задает ей целевые и временные параметры, определяет тактику и стратегию правоприменительных действий, круг регулируемых отношений, субъектный состав, юридические диспозиции, правовые последствия и т.п. В свою очередь, правоприменительная практика выступает сферой *индикации* неурегулированных отношений (областью выявления правовых проблем), *селекции* правовых идей (позволяет осуществлять выборку наиболее конструктивных из них) и *верификации* правовых норм (производит проверку на истинность и эффективность). Именно с учетом этих аспектов, с точки зрения В.В. Трофимова, должен проводиться анализ правоприменительной практики с целью последующего формирования концепции национальной правовой политики.

Главный редактор международного научного журнала «Власть. Человек. Закон» (Украина), канд. юрид. наук, доц. С.В. Дёменко в своем выступлении обратился к *вопросу парадигмального анализа основ уголовной политики*. По мнению докладчика, ключевой парадигмой уголовной политики (в ее различных интерпретациях) выступает борьба с преступностью. В основном это понятие используют в качестве очерчивания той области социальной действительности, в которой реализуется и на которую направлена изучаемая деятельность, но некоторые ученые, придавая ему особое значение, возводят его в ранг родовой категории, понимая под политикой в сфере борьбы с преступностью целостную социально-регулятивную систему. Оба способа применения данной категории вошли в правовую науку достаточно давно и укрепились настолько, что попытки изменить отношение к ним до сих пор не увенчались успехом. Подчеркнем абсурдность деятельности по уничтожению или противостоянию государства с собственными гражданами, а также опасность видения в человеке, совершившем преступление, образ врага, на что непосредственно ставит цели парадигма «борьба с преступностью». Использование данного понятия ставит перед обществом, государством и другими институтами ложную цель, дезорганизируя и дезориентируя их. Попытка использовать данное понятие как видовое (при неизменности его сущности) ведет к тем же проблемам.

Неприемлемо для дальнейшего развития науки отождествление понятий «политика борьбы с преступностью» и «уголовная политика». На сегодня уровень культуры, по крайней мере правовой, уже достиг тех вершин, когда пора осознать несостоятельность задекларированных сущностью парадигмы «борьба с преступностью» целей и то, что они противоречат существующим реалиям, а отказ от них не ведет к «либерализации» уголовной политики. Научному сообществу необходимо выработать единую терминологию, наиболее полно отвечающую по своей сущности той деятельности, которую они описывают, и соответствующую тому высокому уровню правовой культуры и правовой жизни общества, который обеспечивает в полном объеме права и свободы человека. Предлагаем отказаться от использования парадигмы «борьба с преступностью» как в контексте родового или видового понятия, определяющего деятельность определенных институтов государства и общества, так и в контексте одного из видов правовой политики и средства достижения целей.

Заместитель начальника Волгоградской академии МВД России по научной работе, доктор юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко выделил *вопрос о рассмотрении новой уголовной политики в сфере борьбы с экономическими преступлениями сквозь призму оперативно-розыскной деятельности*. В частности, был проведен анализ Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс

Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 ноября 2012 г., в котором законодатель предлагает эксклюзивный правовой режим для отдельных преступлений экономической направленности.

Отмечено, что законодательными новациями предпринимается попытка вывести из хозяйственных споров органы уголовной юстиции, оставив право разбираться в возникающих конфликтах субъектам экономической деятельности. В анализируемой ситуации проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, совершающих отдельные экономические преступления, возможно исключительно при наличии заявления потерпевшего. Вместе с тем причиной отсутствия заявления в каждом третьем случае мошенничества является незнание или непонимание потерпевшим, что в отношении него совершено преступление. С учетом нового законодательства в сложившейся правовой ситуации необходимо предусмотреть процедуру уведомления потенциального потерпевшего о совершенном в отношении него преступлении экономической направленности или проводить оперативно-розыскные мероприятия с целью побуждения потерпевшего к подаче заявления.

Доцент кафедры теории государства и права Сибирского федерального ун-та, канд. юрид. наук В.Ю. Панченко остановился на *проблеме юридического содействия реализации прав и законных интересов в правоприменительной политике*. Юридическое содействие реализации прав и законных интересов как профессиональная юридическая деятельность, способствующая средствами юридического характера реализации правовых возможностей в целях наиболее полного и беспрепятственного удовлетворения интересов субъекта права в правоприменительной политике и правоприменительной деятельности имеет, как минимум, три проявления:

во-первых, в качестве идеологии, содержательного ориентира правоприменительной деятельности и приоритета правоприменительной политики, что неоднократно подчеркивалось в отечественной юридической науке (П.Е. Недбайло, В.В. Лазарев, С.С. Алексеев, И.В. Ростовщиков, Л.Д. Воеводин, В.М. Шафиров и др.) и нашло свое выражение в конституционном положении о том, что права и свободы определяют смысл применения законов, а задача последнего – организационно-юридически содействовать реализации прав и законных интересов;

во-вторых, как функция (направление, вид) правоприменительной деятельности, когда юридическое содействие реализации прав и законных интересов является ее непосредственным предназначением (правовое информирование, консультирование, публичные услуги и пр.), т.е. эти виды деятельности являются правоприменительными лишь по форме, а по содержанию призваны содействовать осуществлению интересов субъектов права. Задача правоприменительной политики здесь – максимальная систематизация, каталогизация всех направлений юридического содействия реализации прав и законных интересов, установление и претворение в жизнь требований к доступности и качеству этих видов правоприменительной деятельности;

в-третьих, в виде правоприменительных институтов юридического содействия реализации прав и законных интересов, которые в последнее время активно развиваются (так, наряду с уже традиционным институтом уполномоченных по правам человека создаются специальные виды уполномоченных: по правам ребенка, правам предпринимателей), что свидетельствует о недостаточном потенциале негосу-

дарственной правозащиты и необходимости ее стимулирования.

Директор Института философии, социологии и права Волгоградского гос. ун-та, канд. юрид. наук, доц. И.С. Дикарев посвятил свое выступление *проблеме критериев фундаментальности нарушения закона в уголовном процессе*. Он отметил, что основанием пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения, постановления суда в целях ухудшения положения стороны защиты может быть не любое, но лишь фундаментальное нарушение закона. Однако, чтобы квалифицировать нарушение закона как фундаментальное, правоприменитель должен иметь в своем распоряжении четкий критерий, позволяющий отграничить подобное нарушение от всех прочих. Конституционный Суд РФ, а вслед за ним и законодатель исходят из того, что фундаментальным является такое нарушение закона, которое повлияло на исход дела и искажает саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Сутью правосудия выступает справедливость, а его предназначение состоит в справедливом разрешении дела. Соответственно, под искажением сути правосудия надо понимать утрату правосудием справедливого характера, т.е. когда судебное решение и предшествующая его вынесению процедура не могут быть признаны справедливыми. В ряде международных соглашений (например, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) справедливость формулируется как требование к процедуре, вытекающее из субъективного права – на справедливое судебное разбирательство. Это дает основание рассматривать право на справедливое судебное разбирательство как конкретизацию общеправового принципа справедливости, инструмент его реализации в сфере уголовного судопроизводства. Соответственно, нарушение закона следует квалифицировать как фундаментальное, когда оно влечет за собой нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Такой подход к определению критерия фундаментальности нарушения позволит правоприменителю, опираясь на выработанное Европейским Судом по правам человека и национальной судебной практикой толкование ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, четко и единообразно решать вопрос о необходимости отмены и изменения в кассационном или надзорном порядке вступившего в законную силу судебного акта.

Старший преподаватель кафедры теории государства и права Оренбургского ин-та (филиала) МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук О.С. Вырлеева-Балаева в своем выступлении затронула *проблему средств правоприменительной политики*. По мнению докладчицы, одним из важнейших средств правоприменительной политики является правовой запрет, который используется практически всеми отраслями права независимо от того, преобладают ли в них императивные или диспозитивные нормы. Он занимает свое важное место в системе правового регулирования, создавая ясные, недвусмысленные, точно сформулированные предписания для субъектов правоотношений. На уровне правоприменительной деятельности распространенной является практика принятия индивидуально-властных решений, содержащих предписания запретительного характера. К примеру, пожарная служба запрещает эксплуатацию помещений, не отвечающих правилам пожарной безопасности; санитарно-эпидемиологическая служба, органы экологического, архитектурно-строительного контроля, прокуратура и др. могут наложить запреты на действия конкретных лиц, несущие опасность для окружающих или риск причинения им ущерба. В связи с этим актуальной является проблема оптимизации запретительного и дозволительного

регулирования для того, чтобы запрет не стал причиной развития коррупции (когда множество запретов придется обходить), но мог полноценно реализовать свое предназначение – оберегать общество в целом и каждую конкретную личность от нежелательного воздействия со стороны других субъектов права.

Председатель судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда С.М. Юткина подняла *проблему гуманизации правового принуждения в правоприменительной политике и, соответственно, на практике*. Современная российская правовая система, по ее мнению, закономерно вступила в новый этап своего развития – гуманистический, когда юридическая система выстраивается в соответствии с фундаментальными принципами демократии, когда признаются нравственный приоритет и высшая юридическая значимость неотъемлемых прав и свобод человека. Правовая политика в области государственного принуждения – это деятельность, в основе которой лежат концептуально оформленные правовые идеи стратегического характера, т.е. такие идеи, которые определяют направления функционирования правового механизма государственного принуждения.

В современных условиях формирования правовой государственности и гражданского общества в России особую актуальность приобретает вопрос о гуманизации государственного принуждения в сфере судопроизводства. Нельзя не отметить тенденции либерализации российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Для правовой оценки положения дел в ходе реализации правовой политики, направленной на гуманизацию мер уголовного наказания, мер уголовно-процессуального принуждения, могут служить заключительные рекомендации Комитета ООН против пыток, решения Европейского Суда по правам человека. Нужно гармоничное сочетание твердых мер по решению реальных проблем противодействия преступности, обеспечения правопорядка в стране с неукоснительным соблюдением прав человека.

Доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского гос. ун-та, канд. юрид. наук Ю.А. Гаврилова обратилась к *проблеме конституционно-правового толкования в контексте правовой политики*. Она отметила, что ядром конституционно-правовой политики выступает конституционно-правовое толкование действующего законодательства. А это, в свою очередь, позволяет связать данный вид толкования как средство, конституционализацию как генеральную цель этой политики, а также особую роль государства в оформлении общих контуров конституционно-правовой политики. Особую роль в улучшении деятельности государства и демократизации его взаимоотношений с обществом и личностью призвано играть конституционно-правовое толкование. Под конституционно-правовым толкованием предлагается понимать познавательно-интерпретационную деятельность, направленную на выявление конституционно-правового (высшего по юридической силе, итогового и актуального) смысла юридических норм, синтезирующую в своих юридических актах черты официального, нормативного и доктринального толкования, результат которой объективно способен иметь как правотворческий, так и правоориентирующий смысл. Важное значение в этой связи приобретает цель конституционно-правового толкования – выявить и фиксировать в общественном сознании и юридических актах конституционного правосудия конституционно-правовой смысл действующего законодательства, являющийся общеобязательным и исключающий любое иное истолкование юридических норм в правоприменительной практике.

В результате конституционно-правового толкования формулируется особая правовая позиция, которая, будучи особым интегративным элементом конституционно-правовой политики современного Российского государства, формируется на основе творческого сочетания и взаимодействия результатов толкования, конкретизации, аналогии и субсидиарного применения нормативных правовых актов в целях сохранения достигнутого уровня и последующего развития конституционализации системы действующего российского права, модернизации государственного устройства, форм государства и методов его деятельности, обновления его взаимоотношений с обществом и личностью. Конституционно-правовая политика располагает эффективным набором правовых средств, включая конституционно-правовое толкование, и является мощным дополнительным рычагом воздействия на деятельность законодательной и исполнительной ветвей власти государства, придает ей стабилизирующий характер, обеспечивает реализацию базовых, конституционно признаваемых ценностей, включая демократию и социальные права человека. Представляется, что в рамках конституционно-правовой политики и с помощью конституционно-правового толкования основополагающие конституционные демократические и гуманитарные ценности, социальные права личности наполняются особым правовым «духом» и приобретают конкретно-исторический смысл, адекватный потребностям времени.

Председатель Волгоградской областной административной комиссии, канд. юрид. наук, доц. М.Н. Козюк подчеркнул, что *во всей проблематике правоприменения главной является проблема его цели и смысла*. Недаром многие исследователи рассматривают правоприменение в контексте идейно-аксиологических характеристик: справедливости, прав и свобод человека, безопасности, благосостояния и т.п. Без такого рода ориентиров дать более-менее внятную характеристику правоприменительной политики, особенно в правоохранительной сфере, невозможно. На практике эта проблема заменяется суррогатами в виде, например, «палочко-галочной» системы оценки деятельности правоохранительных органов. Правоприменительная политика современного государства имеет явную тенденцию к бюрократизации. Однако теория бюрократизма значительно закоснела и не дает возможности провести объективный анализ происходящих сейчас процессов. Термином «бюрократизация» можно было бы называть одно из удивительных свойств современного управления, когда идеально просчитанные организационные мероприятия правотворческой политики на выходе дают отрицательный результат, т.е. речь идет о загадочном процессе, в котором позитивные импульсы, проходя через систему управления, превращаются в свою противоположность. Проблема бюрократизации, по мнению докладчика, напрямую связана с «поколенческой» сменой основного движущего субстрата правоприменения – государственных и муниципальных служащих. В настоящее время органы власти все более заполняются работниками, воспитанными в «лихие 90-е», в сознании которых доминируют не столько правовые ценности, сколько «антиценности».

Доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского гос. ун-та, канд. юрид. наук В.Д. Гончаренко отметил, что *в современном мире уже не возникает сомнений относительно ценности и значимости прав человека*. Что касается России, то их защита и обеспечение являются одним из ключевых факторов решения сложных задач переходного периода страны. Все эти вопросы приводят к необходимости совершенствования конституционно-правового режима – специфического вида правового регу-

лирования конституционных отношений, выраженного в своеобразном сочетании комплекса нормативных правовых средств. Данная категория позволяет охватить весь конституционно-правовой инструментарий, направленный на комплексное регулирование отношений в сфере прав и свобод человека и гражданина в целях последовательной и полной реализации конституционно-правового статуса личности.

Правовая политика в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина – это те принципы и основные направления развития общества, которые государство проводит в жизнь при создании и применении конституционно-правовых норм, регулирующих основы правового статуса личности. Из всего многообразия видов правовой политики, классифицируемых по содержанию, основное значение в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина отводится правотворческой и правоприменительной политике. Конфликт в системе правовой политики в сфере прав и свобод человека и гражданина (правотворчество – правоприменение) приводит к дисбалансу между уровнем разработки правовых норм, закрепляющих права и свободы личности, и степенью их практической реализуемости. Поэтому решение проблем, существующих в рамках реализации конституционной правовой политики в сфере прав и свобод человека и гражданина возможно лишь при формировании адекватного конституционно-правового режима прав и свобод личности.

Заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского гос. ун-та, канд. юрид. наук, доц. Н.А. Соловьева подняла *проблему совершенствования интерпретационной практики применения оценочных выражений уголовно-процессуального законодательства*. Она, в частности, отметила, что проблема применения оценочных выражений в уголовном судопроизводстве, несмотря на её насущность и непрекращающиеся попытки разрешить, по-прежнему остаётся актуальной. Дифференциация оценочного терминологического аппарата может стать одним из эффективных способов совершенствования интерпретационной практики. Эта необходимость обусловлена тем, что среди ученых, занимающихся проблемой оценочной лексики, нет единого подхода к её наименованию. Так, в юридической литературе для обозначения такой лексики используются следующие словосочетания: «оценочные термины», «оценочные понятия», «оценочные признаки», «оценочные категории» и др. Всё это свидетельствует, что даже на уровне терминологического определения оценочных понятий нет единства мнений. В качестве общего обозначения докладчицей предлагается использовать термин «оценочные выражения» и предлагается соответствующая дефиниция. Подчеркивается, что дальнейшая разработка проблем интерпретации и дифференциации оценочных выражений будет способствовать совершенствованию уголовного судопроизводства, а уяснение содержания указанных оценочных выражений сделает его более эффективным и стабильным.

Доцент кафедры теории и истории права и государства Астраханского филиала Международного юридического ин-та, канд. юрид. наук П.А. Давыдов подчеркнул *исключительное значение для формирования и реализации правоприменительной политики России*, как, собственно, и любого правового государства, *органов высшей судебной власти*, а именно: Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда. Данные органы формируют в соответствующих сферах правоприменительную политику, в частности в постановлениях пленумов, формируют стандарты для отправления правосудия судами более низкого звена. Они фактически определяют судебную практику и развитие тех или иных стандартов в правосудии в будущем.

Вместе с тем на данный момент можно констатировать, что создание фактически трех, не связанных между собой судебных систем приводит в итоге к некоторой дифференциации подходов и раздроблению правоприменительной политики данных органов. Так, очень часто судебная практика по одной и той же группе гражданских дел (и не только) различается, т.е. позиции судов общей юрисдикции и арбитражных судов различны и, как следствие, решения принимаются противоположные, а это недопустимо с точки зрения принципа законности. Не случайно прозвучало предложение Президента РФ В.В. Путина объединить арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Это обеспечит единый подход и единое поле правоприменительной политики в сфере осуществления правосудия, окажет плодотворное влияние на формирование позитивного правосознания граждан, обеспечит укрепление законности и сможет поднять роль и авторитет судебной власти и судейского корпуса в глазах общества. Подобная система построения судебной власти достаточно убедительно показала себя в США, которые, так же как и Российская Федерация, являются федеративным государством.

Кроме того, не секрет, что судебная реформа в России длится более 20 лет. Однако до ее фактического окончания еще далеко, поскольку основного результата – формирования независимой судебной власти, действующей в строгом соответствии с законом и в интересах прав человека, она так и не достигла. Объединение судебной системы не только послужило бы консолидации правоприменительной практики и упорядочению правоприменительной политики, но и по-

зволило бы сделать еще один шаг к реальному отделению судебной власти от исполнительной. Единая судебная система Российской Федерации также способна стать работающей “системой сдержек и противовесов”, очень важной для федеративного правового государства с разделением властей.

Доцент кафедры гражданского права и процесса Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук А.Н. Шепелев обратил внимание *на роль юридического языка в правовой политике современного государства*. Он, в частности, подчеркнул, что для правильного использования юридического языка при создании нормативного правового акта необходимо проделывать одновременно работу юриста и лингвиста. При этом некомпетентность, а зачастую и легкомыслие, с которыми некоторые законодатели подходят к процессу создания нормативных правовых актов, оборачиваются, как правило, несовершенством системы законодательства, что, в свою очередь, ведет к серьезным проблемам в сфере правоприменительной политики и практики.

Материал подготовили:

**А.В. Малько, доктор юрид. наук, проф.,
заслуженный деятель науки РФ
E-mail: igr@sgar.ru;**

**И.В. Ростовщиков, доктор юрид. наук, проф.,
заслуженный юрист РФ;**

В.А. Рудковский, доктор юрид. наук, проф.